

Роберт Каплан

РОССИЯ И НЕЗАВИСИМЫЙ «ХАРТЛЕНД»

(Глава X из книги Роберта Каплана «Мечь географии»)

Сокращенный перевод с английского.

Оригинал: Robert D. Kaplan. *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. Random House. ISBN 1-4000-6983-1, published September 2012

Александр Солженицын открывает свой эпический роман о Первой мировой войне «Август четырнадцатого» рапсодией о Кавказском Хребте: «Они выехали из станицы прозрачным зорным утром, когда при первом солнце весь Хребет, ярко белый и в синих углубинах, стоял доступно близкий, видный каждым своим изрезом, до того близкий, что человеку непривычному помнилось бы докатить к нему за два часа. Высился он такой большой в мире малых людских вещей, такой нерукотворный в мире сделанных. За тысячи лет все люди, сколько жили, доотказным раствором рук неси сюда и пухлыми грудями складывай всё сработанное ими или даже задуманное, – не поставили бы такого сверхмыслимого Хребта. От станицы до станции так вела их всё время дорога, что Хребет был прямо перед ними, к нему они ехали, его они видели: снеговые пространства, оголённые скальные выступы да тени углубяемых ущелий. Но от получаса к получасу стал он снизу подтаивать, отделился от земли, уже не стоял, а висел в треть неба и запеленился, не стало в нём рубцов и рёбер, горных признаков, а казался огромными слитными белыми облаками. Потом и облаками уже разорванными на части, уже не отличимыми от истых облаков. Потом и их размыло, Хребет вовсе изник, будто был небесным видением, и впереди, как и со всех сторон, осталось небо сероватое, белесое, набирающее зноя».

Кавказ на протяжении всей истории держал русских, особенно таких рьяных националистов как Солженицын, в страхе и ужасе. Здесь, между Черным и Каспийским морями, лежит перешеек, где Европа постепенно исчезает среди шестисотмильных горных цепей высотой восемнадцать тысяч футов – завораживающих в своей сверкающей блеском красоте, особенно после скучных и плоских просторов степей к северу от них. Это – Дикий Запад России, хотя горы и лежат к югу от Москвы и Санкт-Петербурга. Здесь с семнадцатого столетия российские колонизаторы пытались подчинить себе массу гордых народов: чеченцев, ингушей, осетин, дагестанцев, абхазов, кавказцев, армян, азербайджанцев и других. Здесь русские столкнулись с Исламом как в его умеренности, так и в его непримиримости. Сложная эмоцио-

нальная реакция русских на сам факт Кавказа, который и соблазняет, и угрожает им, открывает окно во всю российскую историю.

Россия – исключительная сухопутная держава в мире, протянувшаяся на 170 градусов долготы, почти на половину всего земного шара. Основной выход России к морю находится на севере, но он заблокирован арктическими льдами много месяцев в году. Сухопутные державы постоянно не чувствуют себя в безопасности, как писал еще адмирал Мэхен. Без морей, которые могут защитить их, они всегда не удовлетворены и должны продолжать расширяться или же, в свою очередь, они сами будут завоеваны. Это особенно верно для русских, плоское пространство которых почти лишено естественных границ и предоставляет им слабую защиту. Страх России перед сухопутными врагами является основной темой Маккиндера. Русские продвинулись в Центральную и Восточную Европу, чтобы заблокировать Францию в девятнадцатом веке и Германию в двадцатом веке. Они продвинулись к Афганистану, чтобы заблокировать британцев в Индии и найти выход к теплым морям на Индийском океане, и продвинулись на Дальний Восток, чтобы заблокировать Китай. Что касается Кавказа, то эти горы составляют барьер, над которым должны доминировать русские, чтобы быть в безопасности от политических и религиозных извержений Большого Ближнего Востока.

Другой географический факт, касающийся России – ее суровый холод. Самая северная часть Соединенных Штатов находится на 49-й параллели северной широты, где начинается Канада. Но большая масса России лежит к северу от 50-й параллели, так, что российское население заселяет земли с еще более холодным климатом, чем канадцы, которые живут, главным образом, вдоль американской границы. «Из-за широты, отдаленности от открытых морей, эффекта горных барьеров и континентальности», пишет географ Сол Коэн, климат России оставляет большую часть ее и слишком холодной, и слишком сухой для крупномасштабного постоянного заселения. Но Кавказ, наряду с теми частями российского Дальнего Востока, которые лежат близко к северокорейской границе, являются исключениями из этого принципа: отсюда следует другая привлекательность Кавказа – его относительно умеренные температуры на 43-й параллели. Действительно российский климат и пейзаж являются весьма суровыми, и как таковые они определяют характер русских и их историю.

Сильный мороз, кажется, развил в русских «способность переносить страдания, определенную общинность, даже готовность пожертвовать отдельным человеком ради общего блага», пишет историк России Филип Лонгуорт. Лонгуорт объясняет, что короткий сельскохозяйственный сезон высоких северных широт потребовал «взаимозависимости между фермерами», так же как «лихорадочных, напряженных усилий, долгих часов на полях и мобилизации детей», потому что и посевную, и жатву приходилось проводить быстро.

Кроме того, малые излишки из-за холода поощряли элиты появляющегося российского государства контролировать большие территории, убивая в фермерах стимул работать интенсивнее без принуждения, и способствуя «тенденции насилия» в повседневной жизни. У российского коммунизма, так же как у определенного презрения к личной свободе до недавнего времени, были свои корни в очень холодном пейзаже. Расчистка земли, постройка церквей и укреплений на ледяной равнине, и пение православных молитв все свидетельствовали о тяжелой, надрывной общинности.

Северный пояс России между Северным Полярным Кругом и Северным Ледовитым океаном это замороженная безлесная тундра, покрытая мхом и лишайником. Когда летом она оттаивает, то грязь покрывает землю, над которой кружатся тучи гигантских комаров. К югу от тундры находится тайга, самый большой хвойный лес в мире, простирающийся от Балтики до Тихого океана. Приблизительно 40 процентов этих областей в Сибири и на российском Дальнем Востоке покрыты вечной мерзлотой. Наконец, в южной России, простирающаяся от венгерской равнины на западе, через Украину, Северный Кавказ и Среднюю Азию до отдаленной Маньчжурии, лежит степь, самое обширное пастбище в мире, «великий травяной путь», по словам специалиста по России У. Брюса Линкольна. Как пишет Маккиндер, русские были первоначально людьми, жавшимися друг к другу под спасительной защитой лесов, которые, ради своей собственной безопасности, должны были высматривать и побеждать – от Высокого Средневековья до начала Нового времени – азиатских кочевников, приходящих из степей на юге и востоке. В особенности длительное и оскорбительное присутствие монголов – Золотой Орды около средневекового Московского государства и Синей Орды в Средней Азии – что сыграло свою роль в том, что у России не было опыта Ренессанса, дало преследуемым восточным православным славянам общность, энергию и целеустремленность, которые были крайне важны для них, дав им возможность, в конечном счете, вырваться из-под татарского ига и захватить большие территории в более поздние века. Татарское иго, согласно историку Г. Патрику Марчу, вселило в русских «большую терпимость к тирании», приучив их к лишениям и заразив их «параноидальным страхом перед вторжением».

Чувство незащитности – наиболее существенное русское национальное чувство. «Желание найти как корни, так и защиту в истории выросло частично из небезопасности Восточноевропейской равнины», пишет библиотекарь Конгресса Джеймс Х. Биллингтон в своем большом труде о русской культуре «Икона и топор». «География, а не история», говорит он, доминировала над русским мышлением:

«Резкие смены времен года, малочисленные, отдаленные реки, и редкие ливни и плохое плодородие почвы руководили жизнью обычного крестьянина; и быстрые смены волн кочевых завоевателей часто казались немного

большим, чем бессмысленное движение предметов на поверхности неизменного и недружелюбного моря».

Другими словами, сама плоскостность России, простирающейся от Европы до Дальнего Востока, с немногими естественными границами в разных местах и тенденцией к рассеянным поселениям в противоположность городским концентрациям, на протяжении длительного периода создавала пейзаж анархии, в которой любая группа постоянно не чувствовала себя в безопасности.

Загнанные в леса, с врагами, которые в любой момент могли нагрянуть из степи, русские нашли себе утешение одновременно в анимизме и в религии. Весенний праздник православной Пасхи «приобрел особую интенсивность на русском Севере», пишет Биллингтон. Традиционным пасхальным приветствием было не мягкое «Счастливой Пасхи!» современного Запада, но прямое подтверждение центрального факта священной истории – «Христос воскрес!» И ответ был «Воистину воскрес!» Здесь имелся в виду не только сам Христос, который воскрес, но и воскресшая природа тоже. Потому что долгая и темная зима почти закончилась, на деревьях больше не лежал снег и появлялись первые листья. Восточное православное христианство содержит больше чем намек язычества. И русский коммунизм с его большевистским акцентом на тотальность был другой формой русской религии – светским эквивалентом православия, как считал русский интелlectual начала двадцатого века Николай Бердяев. Как показывает название книги Биллингтона, икона была ярким напоминанием обеспокоенным жителям пограничной полосы о силе их православной веры, и о безопасности и более высокой цели, которую она принесла, тогда как топор «был основным орудием Великой России: обязательным инструментом подчинения леса» их собственным целям.

Религиозная и коммунистическая тотальность России, другими словами, происходила от этого чувства незащитности в лесу поблизости от степи, и это чувство внушало русским, в свою очередь, потребность завоеваний. Но потому что земля была плоской, и в своей необъятности полностью соединялась с Азией и Большим Ближним Востоком, Россия и сама была завоевана. И если другие империи появлялись, расширялись и гибли – и потом о них больше никогда не слышали, то Российская империя расширялась, гибла и возрождалась несколько раз. География и история демонстрируют, что мы никогда не должны недооценивать Россию. Частичное восстановление России в нашем с вами веке уже после распада Советской империи – это часть старой истории.

Первой большой империей России и действительно первым большим государством Восточной Европы была Киевская Русь, которая появилась в середине девятого столетия в Киеве, самом южном из исторических городов вдоль реки Днепр. Это позволило Киевской Руси быть в регулярном контакте с Визан-

тийской империей на юге, что облегчило переход русских к православному христианству, которое, как мы знаем, было с особой интенсивностью обогащено тем, что русские дали ему в результате их собственного столкновения с зимним пейзажем. География также потребовала, чтобы Киевская Русь демографически представляла собой соединение скандинавских викингов (спускающихся по рекам с севера) и местных восточных славян. Бедные почвы на этой территории означали, что для обеспечения продовольствием потребуются завоевать большие участки земли, и таким образом начала формироваться империя, которая свела вместе две динамические региональные силы, викингов и византийцев. Россия, как географическое и культурное понятие, была результатом этого соединения.

(Автор, как и практически все западные писатели и историки, является сторонником т.н. норманнской теории. – прим. перев.)

Киевская Русь вечно боролась против степных кочевников. В середине тринадцатого столетия она была, наконец, разрушена монголами во главе с ханом Батыем, внуком Чингисхана. Последовательные годы засухи на их традиционных пастбищах погнали монголов на запад в поисках новых пастбищ для их лошадей, которые были для них источником и пищи, и подвижности. И так была сорвана первая большая попытка русской имперской экспансии в евразийском «хартленде».

Результат состоял в том, что в ходе неисчислимых движений и контрдвижений, как и политических драм, которые были плодом деятельности человека, русская история постепенно сместилась на север в такие города как Смоленск, Новгород, Владимир и Москва, и именно Москва стала самой сильной в более поздних столетиях Средневековья. Эти средневековые столетия, в свою очередь, характеризовались, как мы видели, автократией и паранойей, которые частично были последствием монгольского давления. Взлету Москвы помогло ее выгодное положение для торговли, ибо она стояла на торговых путях между реками в бассейне Средней и Верхней Волги. Брюс Линкольн пишет: «Москва стояла в центре нагорья, на котором начинаются великие реки европейской части России..., это был центр, от которого речные пути России расходились в разные стороны, направленные наружу как неровные спицы кривого колеса». Так как в этой фазе своей истории русские избегали степей, где бродили татары, они сконцентрировались на дальнейшем развитии непроходимых лесных трактов, с помощью которых государство могло лучше быть связанным внутри себя. Средневековая Московия была окружена и фактически не имела выхода к морю. На востоке были только тайга, степь, и монголы. На юге турки и монголы в степи лишили Московию выхода к Черному морю. На западе и северо-западе шведы, поляки и литовцы лишили ее доступа к Балтийскому морю. У Ивана IV, «Грозного» (1553-1584), был доступ только к одному побережью, едва годному к использованию, на далеком

севере: к Белому морю, глубокому заливу Северного Ледовитого океана. У находящихся под угрозой со всех сторон бесконечной равнины русских не было никакого выбора, кроме как попытаться вырваться наружу, что они и сделали при Иване IV.

Иван Грозный – противоречивая историческая фигура, он и монстр, и народный герой, прозвище которого – вводящий в заблуждение перевод на иностранные языки («Ужасный») русского слова «Грозный», данного ему сторонниками за его строгое наказание виновных. Иван показал, что в его время и место единственным противоядием хаосу был абсолютизм. Иван был первым великим империалистом России, роль, которую частично навязали ему история и география. Потому что в 1453 году греческая Византия была побеждена турками-османами, и греческие беженцы просачивались на север из Константинополя в Москву, принося с собой политические, военные и административные знания и опыт, жизненно важные для построения империи. Иван, став царем, победил казанских татар, что открыло ему доступ к Уралу; позже во времена его царствования он сделал главный шаг к завоеванию Сибири, победив монгольское Сибирское ханство около реки Иртыш, к северо-западу от современной Монголии. Жестокость и хитрость Ивана подвели итог тому, чему его народ научился на протяжении поколений «терпеливых и гибких отношений» с азиатами. Быстрота российского нашествия по этому обширному ландшафту была такова, что менее чем за шестьдесят лет, в начале семнадцатого столетия, русские были уже у Охотского моря, на берегах Тихого океана.

Иван также обратил свое внимание на юг и юго-восток, конкретно, на мусульманское Астраханское ханство, ответвление Золотой Орды, контролировавшее устье Волги и пути на Кавказ, в Персию и в Среднюю Азию. Здесь были земли Ногайской орды, тюркских кочевников, которые говорили на диалекте кипчакского (половецкого) языка. Хотя тогда ногайцы были политическими врагами Московского государства, они торговали с Москвией и приветствовали воинов Ивана, которые стали охранять главные торговые пути. Все это море степных пастбищ было чудовищно сложным комплексом, в котором монголы и татары с их войсками, иногда частично пересекающимися, воевали – и также торговали – с русскими. И помните, что какими бы трудными и сложными ни были равнины, Кавказские горы были куда более сложны, и потому также гораздо более экзотичны для русских глаз, что было причиной для русской навязчивой идеи с ними.

Иван был неутомим. После своей победы на юге он начал войну на территории современных Эстонии и Латвии, чтобы обеспечить выход к Балтике, но был побежден союзом Ганзы и немецким Ливонским орденом. Это критически отрезало Россию от Запада, как раз когда он был под влиянием недавно захваченных им земель на Ближнем Востоке и в Азии.

Первая попытка России создать континентальную империю в конце шестнадцатого и в начале семнадцатого века породила репутацию казаков, нанятых российским государством, чтобы закрепить его положение на Кавказе. Хотя слово «козак» или «казак» первоначально означало вольного татарского воина, казаками становились отдельные русские, литовцы и поляки, которые в отчаянии от тяжелой жизни у себя на родине мигрировали в украинские степи. Здесь в хаотических условиях бывшего монгольского кордона, они жили как воры, разбойники, торговцы, колонисты и наемники, постепенно соединяясь в нерегулярные подразделения армии Ивана, потому что они были храбры, жестоки, и стоили дешево. Казацкие поселения появлялись в долинах рек, преимущественно Дона и Днепра. Как это происходило, описано в классической повести Николая Гоголя «Тарас Бульба», изданной впервые в 1835 году и в окончательной версии десятилетие спустя, где рассказывается история днепровских (запорожских) казаков. Гоголь был русским националистом, но реальную, исконную Россию он видел в Украине (это слово означает «пограничная область»), бесконечные степи которой – без естественных границ и лишь с относительно немногими судоходными реками – сделали ее конфликтующие друг с другом народы воинственными. Хотя Гоголь использовал слова «русский», «украинец» и «казак» для обозначения определенных идентичностей, он также признавал, что эти идентичности накладывались друг на друга (что местные идентичности все еще делают и сегодня). История, написанная Гоголем – мрачная с неискупительным насилием. И если очевидный дефицит человечности, изображенный на этих страницах, является делом людей, делающих свой собственный ужасный выбор, то также верно и то, что насилие «Тараса Бульбы», по крайней мере, частично является выражением географии русских и украинских степей, где плоскостность, постоянство и пути миграции ведут к конфликтам и быстрым переменам удачи.

Империя Ивана IV продолжала расширяться при Борисе Годунове (1598-1605), особенно в юго-восточном направлении – к Сталинграду, Уралу и казахской степи. Но потом средневековое Московское государство рухнуло, как рухнула до него Киевская Русь, только на сей раз шведы, поляки, литовцы и казаки вырывали куски из его тела.

Средневековая Московия представляла себя как «Третий Рим», законный преемник и самого Рима, и Константинополя. Поэтому уничтожение Московского государства, известное как Смутное время – результат расколов и распрей в столице, представлялось так, как будто всему миру и цивилизации пришел конец. И все же Россия не погибла, несмотря на то, что именно так казалось многим в то время. Спустя не так много лет, в 1613 году, Михаил Романов был выбран царем, и с этого началась новая династия, как и новая глава в российской истории.

Именно династии Романовых было суждено определить современную Россию, придать механизацию и дальнейшую административную организацию российскому империализму, усовершенствовать несколько романтические, спонтанные вторжения средневековой Московии. За триста лет правления Романовых Россия покорила Польшу и Литву, разбила Швецию, унизила Наполеоновскую Францию, вернула Украину, расширилась до Крыма и Балкан за счет турок-османов, и как расширила, так и формально закрепила свои владения на Кавказе, в Средней Азии и Сибири вплоть до Китая и Тихого океана. Россия оправилась от поражений в Крымской войне (1853-1856) и Русско-японской войне (1904-1905). И в соответствии с великой темой российской истории, темой грандиозных расширений и столь же больших отступлений на фоне обширной, не знающей препятствий географии, Романовы потеряли и Польшу, и западную Россию во время наступления Великой армии Наполеона в 1812 году, только для того, чтобы оправиться в течение нескольких недель и отбросить французов назад в Центральную Европу, нанеся большие потери войскам Наполеона.

Петр I Великий, который управлял Россией в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого века, был для династии Романовых тем же, кем Иван IV был для средневековой Московии: экстраординарным человеком, действия которого демонстрируют, что география – только часть истории. Конечно, в историю Петр I вошел, прежде всего, благодаря строительству на берегах Балтийского моря Санкт-Петербурга, строительства, которое он начал в 1703 году, и которое повлекло за собой изнурительную войну против шведского королевства. Шведы вторглись через Мазурские болота на земли Белоруссии, и русские сжигали свои собственные поля, что было частью политики выжженной земли в сухих областях, тактикой, которую они позже использовали и против Наполеона, и против Гитлера. И все же великое достижение Петром объединения Балтийского побережья в руках России, постройки там ее новой столицы, с которой она была бы ближе к Европе, чтобы изменить политическую и национально-культурную специфику России, в конечном счете, потерпело неудачу. Потому что с завоеваниями в любом другом направлении Россия оставалась более евразийской страной, возможно типичной, фактически единственной евразийской страной, с таким напряжением старающейся быть европейской, как раз тогда, когда география и история вторжений, примером которых были монголы, отказывали ей в этом статусе. Александр Герцен, выдающийся российский писатель и интеллектуал девятнадцатого века, заметил:

«Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, — с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая».

Хотя русские не должны были бы ничего стыдиться, поскольку они могли быть только такими, какими они и были: людьми, которые создавали империю в борьбе с невозможным континентальным ландшафтом, и вследствие этого они стучали в ворота Леванта и Индии, угрожая этим империям Франции и Великобритании. Потому что приблизительно в то же самое время, когда Герцен написал приведенные выше слова, русские войска взяли Ташкент и Самарканд на древнем шелковом пути в Китай, близко к границам Индийского субконтинента.

Но если морские империи Франции и Великобритании сталкивались с заклетыми врагами за морями, то русские противостояли им на своей собственной территории, из-за чего русские с самого начала своей истории учились быть подозрительными и бдительными. Они стали нацией, которая в той или в другой форме всегда была в состоянии войны. Кавказ снова показывает выразительный пример в форме мусульман-чеченцев Северного Кавказа, против которых войска Екатерины Великой боролись еще в конце восемнадцатого столетия, и продолжали воевать при последующих царях на протяжении всего девятнадцатого века, не говоря уже о борьбе в наше время. Это было уже после того, как более податливые территории Кавказа, дальше на юг, такие как Грузия, уже попали под царский контроль. Воинственность чеченцев происходила от трудности прокормиться от каменистой горной почвы и от потребности носить оружие, чтобы защитить овец и коз от диких животных. Поскольку торговые пути пересекали Кавказ, чеченцы были одновременно проводниками и разбойниками. И хотя они приняли суфийский Ислам, менее фанатичный, чем другие ответвления этой веры, они были рьяными борцами в защите своей родины от православных русских. На Кавказе, пишет географ Денис Дж. Б. Шоу, «русские, украинские и казачьи поселения 'империи поселенцев' вступили в конфликт с жестким сопротивлением горных народов. Большинство этих народов, кроме большинства осетин, были мусульманами по культуре, и это укрепило их решимость бороться с российскими захватчиками». Из-за своего страха перед независимым духом людей Северного Кавказа большевики отказались включать их в одну единственную республику и разделили их, только чтобы воссоединить их в искусственные единицы, которые никак не соответствовали их лингвистическим и этническим свойствам. Таким образом, продолжает Шоу, «кабардинцы были объединены в одну республику с балкарцами, несмотря на то, что первые имеют больше общего с черкесами, а вторые с карачаевцами». Сталин, кроме того, сослал чеченцев, ингушей, калмыков и других в Среднюю Азию в 1944 году за их предполагаемое сотрудничество с немцами.

Кавказ сильно поспособствовал созданию жесткого облика российского империализма. Такова, как мы сказали, часто бывает судьба сухопутных держав, у которых часто есть потребность к завоеваниям.

Так русские продолжали поступать и дальше, вдохновляя Маккинтера сформулировать свою теорию оси скачком российского железнодорожного строительства во второй половине девятнадцатого века. Пятнадцать тысяч миль железных дорог были построены между 1857 и 1882 годами, так, чтобы Москва была связана с прусской границей на западе и с Нижним Новгородом на востоке, так же как с Крымом на берегу Черного моря на юге. Кроме того, между 1879 и 1886 годами российские инженеры построили железную дорогу из Красноводска, на восточном берегу Каспийского моря, в Мерв, больше чем пятьсот миль на восток, близко к границам Персии и Афганистана; к 1888 году эта линия продлилась еще на триста миль на северо-восток в Самарканд. (И была построена колея на юг от Мерва к близости афганской границы.) Эти новые артерии империи следовали за продвижением российских военных в пустынях Каракумы (Черные пески), и Кызылкум (Красные пески) к югу от среднеазиатской степи, на землях современных Туркмении и Узбекистана. Из-за близости Индии, где британская власть была тогда в ее зените, этот приступ российской имперской деятельности соединился с «Большой игрой» между Россией и Великобританией за контроль над Азией. Тем временем была построена линия, соединяющая Баку на западном берегу Каспийского моря с Батуми, на Черном море, охватывая весь Кавказ. И в 1891 году русские начали строить железную дорогу от Урала до тихоокеанского побережья, длиной в четыре тысячи миль, через Сибирь и Дальний Восток, преодолевая все леса, горы, болота и вечную мерзлоту. К 1904 году в России было 38 000 миль железных дорог, факт, который предоставлял Санкт-Петербургу доступ к одиннадцати часовым поясам, на всем пути до Берингова пролива между Россией и Аляской. Мотивацией этой последней российской версии явного предназначения была, повторим еще раз, неуверенность: отсутствие чувства безопасности у сухопутной державы, которая должна была либо продолжать нападать и исследовать во всех направлениях, либо сама стать побежденной.

На рельефной карте Евразии выделяется один большой факт, который объясняет историю России. От Карпат на западе до Среднесибирского плоскогорья на востоке есть только низменные равнины, с Уралом между ними, но это лишь маленькое возвышение на этом плоском пейзаже континентального размера. Эта равнина, которая включает «хартленд» Маккинтера, простирается от Белого и Карского морей, заливов Северного Ледовитого океана, до Кавказа, и до Гиндукуша и Загроса в Афганистане и Иране, так, что российский империализм всегда соблазняла неопределенная надежда на выход к теплым морям рядом с Индийским океаном. Но не только в случаях Кавказа и Афганистана русские рискнули выйти за пределы основной области этой большой равнины и глубоко продвинуться в горы. С начала семнадцатого до двадцатого века русские казаки, охотники на пушных зверей и торговцы смело достигали земель за рекой Енисей, продвинулись из Западной Сибири в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, холодную необъятность семи

главных горных цепей, на протяжении 2 500 миль через места, где мороз может длиться девять месяцев в году. И если завоевание Белоруссии и Украины было естественным из-за близости и общей, переплетенной истории этих земель с Россией, то в Сибири русские создали совершенно новую «арктическую империю у берегов рек».

Как пишет У. Брюс Линкольн в своей влиятельной исторической работе «Завоевание континента: Сибирь и русские»: «завоевание, которое определило ее [России] величие, было в Азии», не в Европе. Драма, которая разыгрывалась в Восточной Сибири и к востоку от нее подводила итог российскому историческому опыту в его самой сконцентрированной форме. Филип Лонгуорт пишет:

«Суровость климата сделала их выносливыми и терпеливыми; необъятность их пейзажа и низкая плотность населения, так же как краткость сельскохозяйственного сезона, поощряли и сотрудничество, и принуждение в общественных отношениях, поскольку русские, чтобы выжить, нуждались в большей степени организации, чем большинство народов... В прошлом эта потребность способствовала централизованным, авторитарным формам правления и препятствовала формам с большей вовлеченностью населения в управление».

Енисей во время паводка разливается на целых три мили шириной и является шестой по длине рекой в мире. Он течет на север на протяжении 3 400 миль от Монголии до Арктики. Намного больше, чем Урал, эта река является истинной разделительной линией между двумя Россиями – между Западной и Восточной Сибирью, с тысячами миль низменных равнин на ее западном берегу и тысячами миль плато и заснеженных гор на ее восточном берегу. Британский путешественник Колин Туброн пишет, что «это – поток реки из пустоты, как что-то истинное, несущее время, одновременно мирное и довольно ужасное, которое вызывает у меня чувство напряжения». В другой, более северной точке вдоль реки, уже за Северным Полярным Кругом, он продолжает: «земля выравнивается по своей оси. Береговая линия опускается вдали. Кажется, что здесь никогда ничего не происходило. Так... история становится геологией».

Сначала путешественников к этому ледниковому краю света привлекла приманка мехов пушных зверей. Позже это были природные ресурсы: нефть, природный газ, уголь, железо, золото, медь, графит, алюминий, никель, и множество других металлов и полезных ископаемых, так же как электроэнергия, которую производят могущественные реки Сибири. Ибо так же, как Енисей разделяет Западную и Восточную Сибирь, так и столь же величественная Лена отделяет Восточную Сибирь от российского Дальнего Востока. Действительно, если большие реки Сибири текут с юга на север, то их притоки тя-

нутся на восток и запад, «как пересекающиеся ветки... гигантских деревьев», создавая огромную систему речных перевозок.

Шахты, подчеркивающие этот пейзаж, должны были составить сердце царских и советских пенитенциарных систем. Действительно география Сибири была синонимом жестокости и стратегического богатства, за десятилетия превратив Россию как в нравственно мрачную, так и в богатую энергией державу. Внезапное появление России среди великих держав Европы в начале 1700-х было связано с богатыми поставками железной руды, найденной в Уральских лесах, пригодной для того, чтобы делать пушки и мушкеты, столь необходимые для ведения современной войны. Аналогично, в середине 1960-х открытие обширных месторождений нефти и природного газа в северо-западной Сибири сделало Россию энергетической сверхдержавой в начале двадцать первого столетия, завоевание Сибири также достигло чего-то еще: оно привело Россию в геополитику Тихого океана, и в конфликт как с Японией, так и с Китаем. Российский конфликт с Китаем был в основе динамики Холодной войны, так же, как тот же самый конфликт может стать самым главным в стратегии самой Америки в ее обращении с обеими державами в двадцать первом веке.

В отличие от Иртыша, Оби, Енисея и Лены, река Амур течет не с юга на север, но с запада на восток, соединяясь с рекой Уссури, чтобы сформировать сегодняшнюю границу между российским Дальним Востоком и китайской Маньчжурией. За эту пограничную область, известную как Амурия на север от китайской границы и Уссурия на восток от нее, царская Россия и Китай (маньчжурской династии Цин) боролись с середины семнадцатого столетия, когда русские флибустьеры вошли в эту область, после чего за ними последовали русские солдаты, и позже дипломаты в то время, когда маньчжуры были отвлечены своими завоеваниями Тайваня и частей материка. Этот процесс достиг своего апогея в 1860 году, когда слабый Китай с распадающейся династией был вынужден принять передачу 350 000 квадратных миль территории с китайского под российский суверенитет, что и создало нынешние границы.

Теперь, когда Китай силен, и Россия сравнительно слаба, эта граница снова попадает под давление китайских поселенцев и корпораций, стремящихся переместиться на север, чтобы использовать в своих интересах нефть, природный газ, древесину и другие ресурсы этой области. География командует вечно напряженными отношениями между Россией и Китаем, затененными их тактическим, в некоторой степени антиамериканским временным союзом. В июле 2009 года начальник Генерального штаба России Николай Макаров провел презентацию со слайдами, на которой, судя по сообщениям, было сказано, что «НАТО и Китай... самые опасные из наших геополитических противников».

То, что освещает эта география, является чем-то, о чем часто забывают: что Россия исторически была в очень большой степени частью восточноазиатской динамики сил. Русско-японская война 1904-1905 была частично спровоцирована требованием Японии, чтобы Россия признала китайский суверенитет в Маньчжурии (так же как свободу Японии вмешиваться в дела Кореи), против чего возразили русские. Исход той войны, помимо оскорбления царского режима, был даже в большей мере оскорблением Китая династии Цин, так как русские и японцы сражались за землю, которую маньчжуры считали частью своего наследия. То есть, поражение России все еще оставило под ее контролем Амурию и Уссурию, получить которые так жаждали маньчжуры.

Больше, чем Русско-японская война, в которой Россия потеряла южную половину острова Сахалин и части южной Маньчжурии (которые согласно географической логике должны были принадлежать Китаю так или иначе), это была русская революция 1917 года и ее хаотические последствия, которые действительно потрясли слабый контроль России с ее собственного Дальнего Востока. Китай, Япония и Соединенные Штаты (возникающая дальневосточная держава со своими интересами) взяли под свой контроль части Транссибирской магистрали между озером Байкал на западе и портом Владивосток на востоке, тогда как сам Владивосток пребывал под японской оккупацией между 1918 и 1922 годами. Восемьдесят тысяч японских солдат заняли Амурскую область в этот период.

Красная армия Ленина, тем не менее, постепенно начала одерживать победы в Гражданской войне против «белых» – российских контрреволюционеров. Вследствие этого новое советское государство смогло вернуть территории на своих окраинах: особенно в этнических тюркских областях среднеазиатских пустынь, где большевики боялись, что они будут уязвимы от атак англичан из Индии, действующих через Афганистан. Большевики, несмотря на подчеркиваемую ими идеологию единства всех рабочих мира, были реалистами, столкнувшись с «многовековой проблемой» растянутой сухопутной державы: угрозой нападения на ее периферии. Кто бы ни правил Россией, он должен был считаться с фактом этой отвратительно плоской сухопутной массы, проникающей в смежные государства в нескольких направлениях. Чтобы компенсировать это, большевики стали российскими империалистами, такими же, какими были цари до них: молдаване, чеченцы, грузины, азербайджанцы, туркмены, узбеки, казахи, таджики, киргизы, бурято-монголы, татары и все другие оказались под их властью. Большевики легко нашли благоприятное и полезное для них объяснение своим завоеваниям: в конце концов, это же они принесли блага коммунизма всем этим народам, обосновав это как раз тем, что они вознаградили эти народы их собственными советскими республиками. Следуя диктату географии, пусть даже подсознательно, большевики вернули столицу назад на восток – в Москву из Санкт-Петербурга на Балтике, восстанавливая в значительной степени ту азиатскую действитель-

ность, которая была всегда главной в существовании России. Вместо полумодернизированного режима, построенного Петром I, который управлял Россией из ее балтийского «окна на Запад», теперь там возникло государство, управляемое из Кремля, исторического полуазиатского центра средневековой Московии. Новый Советский Союз состоял из трех союзных республик – России, Украины и Белоруссии – и одиннадцати автономных республик и областей. Но так как многие из этих республик вовсе не совпадали аккуратно с этническими границами, например, в Узбекистане было многочисленное таджикское меньшинство, и более крупное узбекское меньшинство в Таджикистане, то раскол был бы невозможен без гражданской войны, и, таким образом, Советский Союз стал тюрьмой народов.

Эта тюрьма народов была в двадцатом веке агрессивна как всегда, как раз когда у нее было больше причин для неуверенности в своей безопасности, чем когда-либо прежде. В 1929 году советская пехота, конница и авиация напали на западный край Маньчжурии, чтобы захватить контроль над железной дорогой, проходящей через китайскую территорию. В 1935 Советский Союз сделал своим настоящим сателлитом регион Синьцзян западного Китая, в то время как Внешняя Монголия превратилась в Монгольскую Народную Республику, состоявшую в тесном союзе с Советским Союзом. (Синьцзян – название, данное этой территории китайскими оккупантами, настоящее название – Восточный Туркестан, уйгуры, населяющие его, сами готовы были присоединиться к СССР, и не из любви к социализму или Сталину, но лишь бы вырваться из-под власти ненавистных им китайцев. См. об этом: Вадим Обухов, «Схватка шести империй. Битва за Синьцзян», «Вече», М., 2007 г. – прим. перев.)

Тем временем в европейской части России подписание советско-германского договора 1939 года позволило Сталину захватить восточную Польшу, восточную Финляндию, Бессарабию и страны Балтии: Литву, Латвию и Эстонию. Россия, под маской Советского Союза, теперь простиралась от Центральной Европы до Корейского полуострова. И все же, как показали события, Россия все еще не была в безопасности. География продолжала играть свою роль. Вторжение Гитлера в 1941 году на восток через равнину Европейской части России привело немецкие войска к предместьям Москвы и довольно близко к Каспийскому морю, пока они не были остановлены в Сталинграде в начале 1943 года. В конце войны Советы дали выход своей мести и чувству многовековой географической неуверенности, исходящей еще из времен монгольских нашествий на Киевскую Русь.

После краха нацистской Германии и фашистской Японии Советский Союз фактически захватил всю восточную половину Европы, установив там систему коммунистических сателлитов, лояльность которых в большинстве случаев гарантировалась присутствием там советских войск, которые прорвались

назад на запад через плоскую равнину через Днепр, Вислу и Дунай, когда логистика военной машины Гитлера не справилась с необъятностью европейской части России, что было очень похоже на то, что произошло с Наполеоном больше чем за век до того. Эта советская восточноевропейская империя теперь протянулась в сердце Центральной Европы даже глубже, чем империя Романовых 1613-1917, и включала всю территорию, обещанную России в нацистско-советском договоре. На противоположном конце Советского Союза Москва снова овладела Сахалином и отобрала у Японии северные Курильские острова, примыкающие к российскому Дальнему Востоку. Хаотическое и ослабленное китайское государство после японской оккупации и борьбы за власть между коммунистами Мао Цзэдуна и националистами Чан Кайши позволило большое присутствие советских войск в Маньчжурии, консолидацию просоветской Внешней Монголии и установление дружественного коммунистического режима на северной половине Корейского полуострова. На Корейском полуострове великая сухопутная держава Советский Союз – и Китай, которому скоро предстояло стать коммунистическим – столкнулись с морской силой Соединенных Штатов, что способствовало началу Корейской войны спустя пять лет после Второй мировой войны. Потому что результатом Второй мировой войны было создание державы «Хартленда» Маккиндера в форме Советской России, сочетавшейся с большой морской силой Мэхена и Спикмена в форме Соединенных Штатов. На судьбы как Европы, так и Китая повлияло само распространение советской власти в «Хартленде», так же как Большой Ближний Восток и Юго-Восточная Азия на евразийской периферии стали чувствовать давление американской морской и воздушной мощи. Это и было окончательной географической истиной Холодной войны, которую затемняли идеология коммунизма, исходившая из Москвы, и идеал демократии, исходивший из Вашингтона.

Но Холодная война, казавшаяся бесконечной тем, кто как я сам, вырос во время этого периода, как оказалось, была просто еще одной фазой российской истории, которая закончилась в соответствии со знакомым диктатом российской географии. Попытка Михаила Горбачева преобразовать советский коммунизм в 1980-х годах разоблачила систему, показав ее такой, какой она была на самом деле: негибкой, закостеневшей империей подчиненных народов, населяющих во многих случаях степи и гористые периферии российских лесов и равнин. И действительно, как только сам Горбачев объявил, что идеологические заповеди, на которых покоилась империя, были глубоко несовершенны, вся система начала разваливаться, и периферийные части стали откалываться от русского центра, что было очень похоже на то, что последовало за распадом Киевской Руси в середине тринадцатого века, средневековой Московии в начале семнадцатого, и империи Романовых в начале двадцатого века. Вот почему историк Филип Лонгуорт отмечает, что перемежающиеся экспансии и распады в этой преимущественно плоской топографии были основной особенностью российской истории. На самом деле,

как объясняет географ и специалист по России Денис Шоу, хотя открытые границы и военное бремя, которое те порождали, и «способствовали централизации российского государства» – и действительно, власть царей была легендарной – Россия была, однако, слабым государством, потому что цари не развивали прочные административные институты в ее обширных областях. Это сделало Россию еще более открытой для вторжения.

В 1991 году, когда Советский Союз официально был распущен, Россия уменьшилась до своего самого маленького размера до времен правления Екатерины Великой. Она потеряла даже Украину, изначальный центр Киевской Руси. Но, несмотря на потерю Украины и стран Балтии, Кавказа и Средней Азии, несмотря на военную неуверенность в Чечне, Дагестане и Татарстане, и несмотря на превращение Внешней Монголии в независимое государство, свободное от опеки Москвы, территория России все еще превосходила территорию любой другой страны на Земле, занимая одну треть азиатского материка, с сухопутными границами, все еще тянувшимися почти на половину часовых поясов земного шара от Финского залива до Берингова моря. И все же это обширное и голое пространство, которое по краям больше не охраняют горы и степи, теперь должно было защищать население, составляющее теперь только немногим больше половины населения прежнего Советского Союза. (Население России в реальности было меньше, чем население Бангладеш.)

Возможно, никогда прежде в мирное время Россия не была так географически уязвимой. Во всей Сибири и на Дальнем Востоке там было только 27 миллионов человек. Лидеры России не теряли времени в оценке страшной ситуации. Спустя меньше месяца после роспуска Советского Союза российский министр иностранных дел Андрей Козырев сказал «Российской Газете», что «мы быстро пришли к тому, чтобы понять, что геополитика заменяет идеологию». «Геополитика, постоянно демонизируемая в советские времена», пишет почетный профессор Эдинбургского университета Джон Эриксон, «возвратилась с удвоенной силой, чтобы не давать покоя постсоветской России». Ушли в прошлое обвинения геополитики как инструмента капиталистического милитаризма: мало того, что геополитика как дисциплина была реабилитирована в России, но была реабилитирована также репутация Маккиндера, Мэхена и даже Карла Хаусхофера. В «невозмутимом неомаккиндерианском стиле» лидер коммунистов старой гвардии Геннадий Зюганов объявил, что Россия должна восстановить контроль над «Хартлендом».

Учитывая взлеты и падения российской истории, в дополнение к ее новым географическим уязвимым местам, у России не было никакого другого выбора, кроме как стать ревизионистской державой, намеревающейся вернуть себе – в более тонкой или в более грубой форме – ближнее зарубежье в виде Белоруссии, Украины, Молдовы, Кавказа и Средней Азии, где все еще жи-

ли 26 миллионов этнических русских. Даже на протяжении потерянного десятилетия 1990-х, когда Россия шаталась на краю экономического краха и была, следовательно, слаба и унижена, в ней, однако, все равно лелеяли новый цикл экспансии. Российский ультранационалист Владимир Жириновский предложил, чтобы южный Кавказ так же, как Турция, Иран и Афганистан, все должны были теперь оказаться под российским доминированием. И если экстремизм Жириновского и не разделялся большинством русских, то он все равно подпитывался жизненно важным подводным течением российского мышления. Действительно нынешняя слабость России в Евразии сделала саму географию российской навязчивой идеей в начале двадцать первого века.

Конечно, Советский Союз никогда нельзя было бы воссоздать. Однако некая более свободная форма союза, достигающего границ Ближнего Востока и Индийского субконтинента, все еще могла бы быть достижимой. Но каким мог бы быть вдохновляющий призыв к сплочению в поддержку этого объединения? Какова была бы идея, с помощью которой русские могли бы нравственно оправдать следующую волну экспансии? Збигнев Бжезинский в книге «Великая шахматная доска: главенство Америки и её геостратегические императивы» пишет, что в 1990-х годах русские начали возрождать евразийство, доктрину девятнадцатого века, как альтернативу коммунизму, чтобы снова привлечь к себе нерусские народы бывшего Советского Союза.

Евразийство удобно соответствует исторической и географической индивидуальности России. Растянувшись от Европы до Дальнего Востока, и все же не укорененная ни тут, ни там, Россия, как никакая другая страна, воплощает Евразию. Кроме того, закрытая география, характеризующаяся кризисом пространства в двадцать первом веке, которая размывает линии разделения специалистов по Холодной войне, делает более ощутимой саму идею Евразии как континентального, органичного целого. Но если Евразия и может когда-либо стать более полезным понятием для географов и геополитиков в ближайшие годы, это не означает, что грузины, армяне или узбеки, со всем их историческим и эмоциональным багажом, который связан с такими этническими идентичностями, начнут считать себя «евразийцами». Кавказ – это Кавказ именно потому, что он – котел этнических идентичностей и конфликтов: идентичностей, у которых с крахом блоков держав Холодной войны есть потенциал стать еще более развитыми. То же самое в большой степени справедливо и для Средней Азии. Даже если русские и, скажем, казахи смогут подавить свое этническое соперничество через «Евразийский союз» своего рода, евразийство никак не похоже на что-то, ради чего будут умирать люди; или на что-то, из-за чего у них мурашки пробегают по коже; тем более, что украинцы, молдаване, грузины и другие жаждут быть европейцами. Но если евразийство сможет, пусть даже немного, подавить различия в некоторых частях бывшего Советского Союза, и этим помочь стабильности, разве оно не стоит того?

Так же, как география не является объяснением всего, она не является и решением. География – просто неизменный фон, на котором происходит противоборство идей. Даже когда география выступает как объединитель – как это было в случае Америки или Великобритании, или Индии или Израиля – то идеалы демократии и свободы и сионизма (с его духовным элементом), однако, все равно были основными для национального самосознания. И когда у людей нет ничего иного, чтобы объединить их, кроме географии, как в случае Египта при бывшем диктаторе Хосни Мубараке или Японии при прежней правящей Либерально-демократической партии, тогда государство страдает от непреодолимой болезни: оно может быть стабильным, благодаря географии, но это – все. Поэтому России, лишенной царизма и коммунизма, требуется некое вдохновение, какой-то объединяющий идеал помимо географии, если она должна суметь успешно привлечь к себе назад бывшие подчиненные народы, особенно в то время, когда ее собственное и так скудное население быстро уменьшается. Действительно из-за низкого уровня рождаемости, высокого уровня смертности, высокого показателя аборт и низкой иммиграции, население России со 141 миллиона может упасть до 111 миллионов к 2050 году. (Этот процесс ускоряется уровнем ядовитого загрязнения воды и почвы, как частью общей экологической деградации.)

Тем временем номинальное мусульманское сообщество России увеличивается и может составить целых 20 процентов населения страны уже в течение следующего десятилетия, причем оно прочно закреплено на Северном Кавказе, на Волге и Урале, так же как в Москве и Санкт-Петербурге, так, что у него может быть тенденция к региональному сепаратизму, и оно может также быть способно на городской терроризм. Чеченские женщины рожают на одну треть детей больше, чем русские женщины. Безусловно, простое обращение к географии – которая действительно является самым главным фактором для евразийства и сопутствующего Содружества независимых государств – не поможет, вероятно, возрождению Российской империи, которая могла бы конкурировать с Киевской Русью, средневековой Московией, династией Романовых, и с Советским Союзом.

Дмитрий Тренин, директор Московского Карнеги-Центра, утверждает, что в двадцать первом столетии «сила привлекательности превосходит силу принуждения», и поэтому «мягкая сила должна быть главной во внешней политике России». Другими словами, действительно преобразованная Россия была бы в лучшем положении, чтобы проецировать свое влияние всюду по своим евразийским перифериям. Потому что русский язык – «лингва-франка» от Балтики до Средней Азии, и русская культура «от Пушкина до поп-музыки» все еще пользуется спросом. Русскоязычная телевизионная станция могла бы, в случае интеллектуально оживленной России, «стать своего рода «Аль-Джазирой» для русскоязычных людей». Согласно таким взглядам, либеральная демократия – это единственный идеал, который мог бы позволить России

еще раз достичь того, что в ее глазах является ее географической судьбой. Такая идея хорошо совпадает с замечанием Солженицына в 1991 году о том, что «надо теперь жестко выбирать между империей, губящей прежде всего нас самих и духовным и телесным спасением нашего же народа».

В действительности в анализе Тренина есть и географическая сторона. Он утверждает, что Россия должна делать больший акцент на своих оконечностях – в Европе и на Тихом океане – чем в ее евразийском центре. Основной упор на сотрудничество с Европой установочно переместил бы Россию на запад. Карта населения России показывает, что, несмотря на территорию, которая занимает одиннадцать часовых поясов, подавляющее большинство русских живет на ее крайнем западе, смежном с Европой. Таким образом, истинная политическая и экономическая реформа, слитая с демографией, могла бы сделать Россию подлинной европейской страной. Что касается Тихого океана, то «Россия поступила бы правильно, если бы она думала о Владивостоке как о своей столице в двадцать первом веке», пишет Тренин. Владивосток – космополитический морской порт, в непосредственной близости от Пекина, Гонконга, Сеула, Шанхая и Токио, наиболее экономически динамичного региона в мире. Действительно, из-за того, что старый Советский Союз рассматривал свой Дальний Восток как область, которую нужно лишь эксплуатировать для добычи сырья, а не как ворота к Тихоокеанскому региону, экономический взлет Восточной Азии, который начался в 1970-х годах и продолжается вплоть до нынешнего времени, полностью прошел мимо России. Тренин говорит, что это положение давно пора исправить – потому что в результате этого страдает Россия. Не Россия, а Китай, который последовал за лидерами прибрежных и морских стран Тихоокеанского региона – Японией и Южной Кореей – и перешел к рыночному капитализму, теперь появляется в качестве великой державы в Евразии. Пекин дал 10 миллиардов долларов кредитов Средней Азии, помог Белоруссии с валютным стволем, дал миллиард долларов в поддержку Молдове на другом конце континента, и расширяет область влияния на российском Дальнем Востоке. Для России адекватная стратегия состояла бы в том, чтобы с политической точки зрения присоединиться к Европе и в экономическом плане присоединиться к Восточной Азии. Так Россия смогла бы решить свои проблемы на Кавказе и Средней Азии – становясь действительно привлекательной для тех бывших советских республик, народы которых сами настроены на свободы и уровень жизни, которые есть на западных и восточных краях Евразии.

У России фактически был шанс для подобной судьбы столетие назад. Если бы власть в России в особенно хрупкий момент в 1917 году не была захвачена большевиками, то вполне возможно, даже вероятно, что Россия в двадцатом веке развилась бы в пусть более бедную и немного более коррумпированную и нестабильную версию Франции и Германии, однако, укоренившуюся в Европе, вместо того чтобы стать сталинским монстром, которым она стала на

самом деле. В конце концов, старый режим с его в большой степени немецкой династией, его говорящими по-французски дворянами и буржуазным парламентом в европейской столице Санкт-Петербурге, ориентировался на запад, даже если о крестьянстве такого нельзя было сказать. И снова, в то время как рельефная карта России распространяется по Азии, демографическая карта России предпочитает Европу.

Большевистская революция была полным отказом от этой квазизападной ориентации. Аналогично этому, мягкий авторитаризм Владимира Путина с 2000 года, и как президента и позже как премьер-министра, является отрицанием того внезапного эксперимента с западной демократией и рыночным капитализмом, который поставил на колени хаотическую Россию в 1990-х после краха коммунизма. Путин и российский президент Дмитрий Медведев в последние годы не особо ориентировали Россию на Европу и Тихий океан, и, следовательно, не преобразовывали Россию, чтобы сделать ее более привлекательной для ее бывших подчиненных народов. (Действительно, в торговле, иностранных инвестициях, технологии, инфраструктуре и приобретении образования, для России при Путине «тучи сгустились».) Хотя Путин, строго говоря, не империалист, но последняя находящаяся ныне в процессе создания империя России основывается на богатстве огромных природных ресурсов России, которые отчаянно необходимы европейской периферии и Китаю, с «кнутом и пряником», которые непосредственно связаны с этим. У Путина и Медведева не было никаких вдохновляющих идей, которые они могли бы предложить, на самом деле у них вообще нет никакой идеологии: то, что действительно способствует им, это только география. И этого недостаточно.

Россия может похвастаться самыми большими в мире запасами природного газа, вторыми по величине запасами угля и восьмыми по объему запасами нефти, большая часть которых находится в Западной Сибири между Уралом и Среднесибирским плоскогорьем. Это в дополнение к обширным запасам гидроэлектроэнергии в горах, реках и озерах Восточной Сибири в тот момент в истории, когда дефицит воды столь важен для многих стран, особенно для Китая. Путин использовал доходы от энергоносителей для увеличения вчетверо военного бюджета, особенно военно-воздушных сил, в течение его первых семи лет на президентском посту. И военный бюджет с тех пор еще больше вырос. Из-за географии – Россия, как я уже говорил, не имеет никаких ясных топографических границ, кроме берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов – русские, кажется, принимают «глубоко укоренившуюся милитаризацию» их общества и «бесконечный поиск безопасности путем создания сухопутной империи», который Путин дал им через свой энергетический халифат. Вместо того чтобы либерализовать Россию и дать волю ее потенциалу мягкой силы всюду в бывшем Советском Союзе и смежной евразийской периферии, Путин выбрал нео-царистский экспансионизм, который богатые

природные ресурсы его страны делают возможным в краткосрочной перспективе.

Все же даже Путин еще не полностью разочаровался в европейском измерении российской географии. Наоборот, его концентрация на Украине как части большего усилия по восстановлению сферы влияния в ближнем зарубежье является доказательством его желания закрепить Россию в Европе, хотя и на недемократических условиях. Украина – осевое государство, которое в самом себе и самим собой преобразовывает Россию. Примыкая к Черному морю на юге и к бывшим восточноевропейским сателлитам на западе, сама независимость Украины в большой степени не пускает Россию в Европу. С греко-католиками и католиками в западной части Украины и восточными православными в восточной, западная Украина является благодатной почвой для украинского национализма, тогда как восток предпочитает более близкие отношения с Россией. Другими словами, сама религиозная география Украины иллюстрирует роль этой страны как пограничной области между Центральной и Восточной Европой.

Збигнев Бжезинский пишет: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией, которая, произойди такое, была бы обижена в связи с утратой недавней независимости и получила бы поддержку со стороны дружественных ей исламских государств Юга. Китай, похоже, также воспротивился бы любого рода реставрации российского доминирования над Средней Азией, учитывая его возрастающий интерес к недавно получившим независимость государствам этого региона. Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 46-миллионным населением (так у Каплана, у Бжезинского еще была указана цифра 52 миллиона) и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы».

В этом случае, согласно Бжезинскому, Польша, также являющаяся объектом желания России, стала бы «геополитическим центром», определяющим судьбу Центральной и Восточной Европы и, тем самым, и самого Европейского Союза. Борьба между Россией и Европой, и в особенности между Россией и Германией-Францией, продолжается, как это было еще со времен Наполео-

новских войн, и судьба таких стран как Польша и Румыния лежит на чаше весов. Коммунизм, может быть, и рухнул, но европейцы все еще нуждаются в природном газе из России, 80 процентов которого поступает через Украину. Победа в Холодной войне, конечно, многое изменила, но она в целом не уменьшила значение географических реалий. И возродившаяся Россия, пишет аналитик австралийской разведки Пол Дибб, могла бы быть готова «подумать о разрушении, чтобы создать стратегическое пространство». Как показало вторжение в Грузию в 2008 году, Россия Путина – не держава, поддерживающая статус-кво.

Украина, под серьезным давлением со стороны России, согласилась продлить арендный договор на базу Черноморского флота России в обмен на более низкие цены на природный газ, как раз, когда Кремль пытается взять сеть газопроводов Украины под свой контроль. (Украина также сильно зависит от России в своей торговле.) Впрочем, не вся география трубопроводов в Евразии работает на пользу России. Есть трубопроводы, которые доставляют среднеазиатские углеводороды в Китай. Трубопроводы транспортируют азербайджанскую нефть с Каспийского моря через Грузию в Черное море и через Турцию в Средиземноморье, обходя, таким образом, Россию. Есть также план строительства газопровода от Каспия через южный Кавказ и Турцию, через Балканы, в Центральную Европу, который также пройдет мимо России. Тем временем, тем не менее, Россия планирует построить и свой собственный газопровод на юг по дну Черного моря в Турцию, и еще один на запад по дну Черному морю в Болгарию. Туркмения, на противоположном берегу Каспийского моря, экспортирует свой природный газ через Россию. Таким образом, даже с диверсифицированными энергоресурсами Европа, особенно Восточная Европа и Балканы, все еще будет в существенной степени зависеть от России. Будущее Европы, как и в прошлом, в духе Маккиндера значительно зависит от процессов на востоке.

У России есть также другие рычаги: сильная военно-морская база, размещенная между Литвой и Польшей на Балтийском море; присутствие многочисленных русскоязычных меньшинств в странах Балтии, на Кавказе и в Средней Азии; пророссийская Армения; Грузия, которой угрожают пророссийские отколовшиеся области Абхазии и Южной Осетии; ракетные полигоны, космодром и авиабаза в Казахстане; авиабаза в Кыргызстане недалеко от Афганистана, Китая, и Индийского субконтинента; и Таджикистан, который разрешает российским войскам патрулировать свою границу с Афганистаном. Кроме того, организованная русскими кампания в СМИ и экономическое давление помогли отстранить от власти киргизского президента Курманбека Бакиева в 2010 году за то, что он разрешил разместить у себя в стране американскую авиабазу.

Во многих из этих мест, от Чечни на Северном Кавказе до Таджикистана рядом с Китаем, России приходится иметь дело с возродившимся Исламом в той обширной южной пограничной области, которая исторически является частью большой персидской культурной и лингвистической сферы. Поэтому возвращение Россией ее потерянных республик путем установления там своей сферы влияния определенно требует дружественного Ирана, который не конкурирует с Россией в этих областях и не экспортирует исламский радикализм. Россия, по причинам, укоренившимся в географии, может предложить лишь слабую помощь в кампании Америки против иранского режима.

Все же, несмотря на все эти преимущества, история, вероятно, не повторится в смысле другой Российской империи, возникшей в начале двадцать первого столетия. Причиной этого являются особые исторические и географические обстоятельства, которые сохраняются в Средней Азии.

Россия начала укреплять свой контроль в Средней Азии в начале девятнадцатого века, когда российская торговля в регионе увеличилась, как раз, когда в казахской степи, например, царила анархия без какого-либо политического доминирования выше власти вождей местных кланов.

Советы в начале двадцатого века создали из обширных среднеазиатских степей и плато отдельные государства, границы которых не совпадали с этническими границами, так, чтобы, если бы какая-либо из этих республик попыталась выйти из Советского Союза, это было бы невозможно, ибо вело бы к межэтнической войне. Советы боялись пантюркизма, паниранизма и панисламизма, от чего раскол этнических групп был частичной панацеей. Это породило множество аномалий. Долина реки Сырдарья начинается в населенной узбеками части Кыргызстана и проходит через Узбекистан, затем через Таджикистан, прежде чем снова возвратиться в Узбекистан и закончиться в Казахстане. Дорога, связывающая узбекскую столицу Ташкент с узбекской областью Фергана, должна проходить через Таджикистан. Чтобы добраться из Душанбе, столицы Таджикистана, в этническо-таджикские области Ходжент и Хорог нужно было проехать через Узбекистан и Кыргызстан. Город Чимкент, близкий к Узбекистану, является преобладающе узбекским, но «присоединен» к Казахстану. Населенный преимущественно таджиками город Самарканд находится в Узбекистане, и т.д. Поэтому то, что возникло в Средней Азии в качестве техники контроля и власти, было скорее не этническим национализмом, а «советизмом». Но в то время как советизм выжил, даже после распада Советского Союза, этнические русские в регионе были маргинализированы, и в некоторых местах там существует сильная враждебность по отношению к ним. Однако пантюркизм и паниранизм остаются относительно слабыми. Иран стал шиитским с шестнадцатого столетия, тогда как таджики и другие говорящие на диалектах персидского языка мусульмане Средней Азии являются, главным образом, суннитами. Что касается турок, то

только недавно современная Турция стала стремиться стать центром мусульманского мира.

Советизм и отсутствие полной идентификации каждого государства с единственной этнической группой иронически привели к умеренной стабильности в Средней Азии, несмотря на происходившие иногда волнения в Ферганской долине и в других местах. (Хотя я должен сказать, что этот регион остается потенциальным очагом напряженности.) Эта динамика, подкрепленная чрезвычайным богатством природными ресурсами, дала некоторым из этих государств значительную силу, чтобы торговаться с главными евразийскими державами: Москвой и Пекином, и вести с ними игру, настраивая русских и китайцев друг против друга. (Россия нуждается в среднеазиатском газе, чтобы транспортировать его на европейские рынки, что дает России рычаги влияния на Европу; но положению России угрожают собственные закупки Китаем среднеазиатского газа.)

Богатства Средней Азии огромны. Одно только Тенгизское нефтяное месторождение в Казахстане, как полагают, содержит вдвое больше нефти, чем Северный склон Аляски. Ежегодная добыча природного газа Туркмении – третья по величине в мире. Кыргызстан был крупнейшим производителем ртути и сурьмы в Советском Союзе и имеет крупные запасы золота, платины, палладия и серебра. Это богатство природными ресурсами, так же как давнее чувство обиды из-за советской оккупации, привело, например, к тому, что Узбекистан, открыл свой железнодорожный мост в Афганистан для перевозок грузов НАТО, как минимум не проконсультировавшись заранее с Россией; что Туркмения диверсифицирует свои энергетические маршруты вместо того, чтобы полностью положиться на Россию; и что Казахстан обращается к европейским, а не к российским инженерам, чтобы эксплуатировать его «сложные» в геологическом отношении нефтяные запасы на шельфе Каспийского моря.

Таким образом, российскую сферу влияния трудно будет сохранить, и она в определенной степени будет заложником переменчивости мировых цен на энергоносители, учитывая то, что экономика самой России, по существу, основывается именно на природных ресурсах, точно так же как экономика среднеазиатских стран. Новая империя России, если она действительно возникнет, вероятно, будет лишь слабой реинкарнацией предыдущих ее империй, ограниченной не только неуступчивыми государствами в Средней Азии, но и возрастающим влиянием в Средней Азии Китая, и, в меньшей степени, Индии и Ирана. Китай инвестировал более чем 25 миллиардов долларов в Среднюю Азию. Он финансирует двухтысячечильное шоссе через Казахстан. Есть ежедневные авиарейсы между казахским городом Алма-Атой и западным китайским городом Урумчи, и китайские товары заполняют среднеазиатские рынки.

Казахстан может быть окончательным реестром российских богатств в Евразии. Казахстан – преуспевающее государство среднего дохода по среднеазиатским стандартам, которое по площади соразмерно с Западной Европой, с ВВП большим, чем у всех остальных среднеазиатских стран вместе взятых. Новая столица Казахстана, Астана, расположена в этнически русской северной части страны, которую горячие головы среди русских националистов хотели захватить после падения Советского Союза: тогда из девяти областей вдоль трехтысячечемильных северных границ Казахстана с Россией, в восьми из них, в их северных частях, население было почти на 90 процентов неказахским. Официальные здания Астаны, спроектированные сэром Норманом Фостером, представляют собой казахский упрек российским претензиям на их страну. Реконструкция Астаны стоила 10 миллиардов долларов. Этот город связан с югом страны высокоскоростными поездами. Казахстан действительно становится независимой державой со своими правами и претензиями. Он разрабатывает три супергигантских месторождения нефти, газа и конденсата, два из них на Каспийском море, с большими инвестициями западных транснациональных корпораций. Новый нефтепровод от Каспийского моря до западного Китая скоро будет готов. Казахстан собирается стать самым большим в мире производителем урана. У него вторые по величине запасы хрома, свинца и цинка в мире, третьи запасы марганца, пятые запасы меди, и он входит в верхнюю десятку стран с самыми большими запасами угля, железа и золота.

Казахстан – это и есть «хартленд» Маккиндера! Он богат всеми стратегическими природными ресурсами в мире и находится как раз в середине Евразии – перекрывая Западную Сибирь и Среднюю Азию – и простирается на 1 800 миль от Каспийского моря на западе до Внешней Монголии на востоке. Урал заканчивается на северо-западе Казахстана; предгорья Тянь-Шаня начинаются на юго-востоке Казахстана. Климат Казахстана настолько континентален в своих крайностях, что зимой на рассвете в Астане может быть минус 40 градусов по Фаренгейту. Маккиндер полагал, что какая-то великая держава или супердержава будут управлять «хартлендом». Но в наш век «хартленд» находится в руках его местных жителей, как раз, когда такие великие державы как Россия и Китай борются за его энергоресурсы. Россия может влиять на Казахстан и своими способами оказывает на него жесткое давление. В окончательном анализе российские и казахские экономические системы переплетены, и Казахстан не может защититься от российских военных. Но у Казахстана всегда будет выбор повернуться к Китаю, если подобные Путину или его преемнику будут проводить по отношению к Казахстану слишком деспотическую, силовую политику. В любом случае, шансы на то, что Россия была бы готова терпеть неодобрение со стороны мировой общественности и дипломатическую изоляцию, которую ускорит вторжение в Казахстан, невелики. В 2008 году Грузия, страна, в сорок раз меньшая, чем Казахстан, с населением, равным одной трети населения Казахстана, и с не-

большими природными ресурсами, возможно, определила пределы авантюризма российских военных на суперконтиненте. (Книга Каплана вышла в 2012 году. – прим. перев.)

Действительно, когда Кыргызстан тонко попросил направить российские войска, чтобы подавить этнические беспорядки в 2010 году, Россия не выбрала крупномасштабную интервенцию, боясь увязнуть в этой небольшой гористой среднеазиатской стране на отдаленной стороне Казахстана.

Другой фактор, ограничивающий действия российской армии в Средней Азии – Китай, влияние которого в регионе выросло за счет России, и с которым Россия делит длинную границу на Дальнем Востоке. Разумно хорошие российско-китайские отношения дадут импульс Шанхайской организации сотрудничества: группе стран, членом которой является и Казахстан, и которая стремится объединить евразийские государства, главным образом деспотичные, чтобы противостоять влиянию Соединенных Штатов. Расплатой за российско-китайскую вражду стало бы большее влияние Соединенных Штатов и Европы в Евразии. По этой причине Россия будет дисциплинировать свое поведение в Средней Азии и, вероятно, откажется от любых попыток насильственно подчинить себе части «хартленда» Маккиндера.

Одно слово предостережения относительно этого анализа: рука России может быть ослаблена в Средней Азии из-за усиления Китая и желания среднеазиатов больше делать бизнес с не представляющими для них угрозы высокотехнологическими странами, такими как Южная Корея и Япония. Но если военные варианты России несколько ограничены, то Россия все еще может перемещать войска вокруг Средней Азии таким способом, которым это не может сделать никакая другая страна, и среднеазиаты в эти политически переменчивые времена действительно питают определенную ностальгию по миру и безопасности, которые были в старом Советском Союзе.

Однако Дмитрий Тренин из Московского Карнеги-Центра может быть прав: лучшая реальная надежда России, в конечном счете, состоит в том, чтобы либерализовать свою экономику и политику, чтобы сделать Россию привлекательной для казахов и других бывших подчиненных народов. Потому что «хартленд» с крахом коммунизма и началом глобализации стал самостоятельной силой. Казахстан, который по площади вдвое больше всех остальных среднеазиатских государств вместе взятых, демонстрирует это. Маккиндер, который боялся горизонтального разделения мира на классы и идеологии, полагал, что, наряду с равновесием сил, именно провинциализм – вертикальное разделение мира на небольшие группы и государства – поможет гарантировать свободу.

[Велесова Слобода, 2015 г.](#)